

О РУССКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ.

(Лекція, читанная въ Харьковѣ 24-го Марта въ пользу
пострадавшихъ отъ неурожая.)

Мм. Гг!

Тотъ народъ, который теперь такъ страдаетъ отъ голода, среди котораго совершается столько раздирающихъ душу сценъ, которому вы собрались помочь по силѣ и средствамъ, вы знаете, владѣть высокою, неувыдаемою поэзіею. Наслажденіе поэзіей, вы знаете также, предполагаетъ прежде всего матеріальное довольство, вышнее благосостояніе. Нѣтъ этого благосостоянія, нѣтъ этого довольства, мало того—нѣтъ куска черстваго хлѣба, котораго съ крикомъ требуютъ голодныя дѣти отъ голодной матери и котораго она не можетъ дать имъ, или даетъ кусокъ стертой древесной коры, или Богъ знаетъ чего, отъ чего они еще скорѣе перестанутъ вовсе просить хлѣба—до поэзіи ли тутъ? Въ такомъ положеніи народу, можетъ быть, было бы легче, покойнѣе, если бы у него вовсе не было поэзіи, которая только усиливаетъ его чувствительность и воспримчивость. Въ такомъ положеніи только одно можетъ быть ему опорою въ страданіяхъ, одно можетъ обѣщать облегченіе, успокоеніе, утѣшеніе, это—вѣра, которою такъ богатъ нашъ народъ, которая одна можетъ укрѣпить его въ терпѣніи, обѣщая ему возмездіе въ лучшемъ мірѣ—за нищету здѣсь богатство тамъ, за несчастіе и слезы здѣсь—счастіе и радость тамъ. Воодушевляемый вѣрою, нашъ народъ готовъ посмотреть на всѣ свои бѣдствія и страданія какъ на наказаніе Божіе за грѣхи, готовъ повторить слова своего лѣтописца, сказанныя

восемь сотъ лѣтъ тому назадъ: «казнить Богъ человеки ово голодомъ, ово моромъ, ово нахоженъемъ поганыхъ, себо есть батогъ Его, да пѣколиже смирившеся вспоманемся отъ злаго пути своего.»

Но таже вѣра, укрѣпляя народъ въ терпѣніи, провозглашаетъ двѣ важнѣйшія заповѣди: любовь къ Богу и любовь къ ближнему, призывая послѣднюю къ милости, состраданію, благотворительности.

И независимо отъ этой Евангельской заповѣди, мы не можемъ не сознать себя нравственно обязанными къ пособію и во имя той высокой поэзіи, которая есть созданіе всего нашего народа въ теченіе всей его исторической и даже до-исторической жизни. Въ этой поэзіи, которая доставляетъ такое возвышенное и ничѣмъ не замѣнимое наслажденіе, народъ выразилъ всего себя, со всѣмъ типическимъ складомъ мысли, чувства и воли, сохранилъ съ необыкновенною заботливостью всю совокупность своихъ впечатлѣній отъ природы, людей и жизни, собранныхъ имъ въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, начиная отъ первыхъ минутъ раскрытія его сознанія. Я ничего не могъ придумать лучше для настоящаго случая, какъ обратиться именно къ этой поэзіи Русскаго народа и вызвать изъ вашего собственнаго воображенія нѣсколько народно-поэтическихъ образовъ, которые съ большею или меньшею ясностію извѣстны всѣмъ и каждому.

Дѣйствительное, серьезное, общающее важныя послѣдствія изученіе русской народной поэзіи началось очень недавно. Изъ всего, что сдѣлано было прежде, продолжаютъ сохранять значеніе развѣ только сборники матеріаловъ народной поэзіи и то только относительное значеніе, такъ-какъ къ большей части сборниковъ этого рода нельзя относиться съ полнымъ довѣріемъ, въ слѣдствіе свободнаго и произвольнаго обращенія съ матеріаломъ. Всѣ же старыя опыты уясненія смысла народной поэзіи важны только какъ историческій фактъ и заключаютъ въ себѣ опыты мечтаній и гаданій, не имѣющихъ строго-научнаго основанія; даже на тѣ выводы, которые подтверждаются новѣйшимъ изученіемъ, должно смотрѣть какъ на слѣдствіе

случайно-благоприятнаго сопоставленія фактовъ. Не смотря на то, что еще Тредьяковскій обратилъ вниманіе на формальную сторону нашей народной поэзіи, на ея стихосложеніе, Тредьяковскій, считавшій, впрочемъ, непремѣнною обязанностию извиняться предъ любезными читателями каждый разъ, когда ему приходилось приводить для образца два—три стиха изъ пѣсенки подлаго народа, не смотря на то, начавшееся у насъ въ слѣдъ за тѣмъ поклоненіе французской литературѣ, зашедшее далеко и въ нашъ вѣкъ, не только не было благопріятно обращенію къ народной поэзіи, но и породило пренебреженіе къ ней въ нашемъ обществѣ, пренебреженіе, которое благополучно дошло и до нашего времени и въ которомъ, можетъ быть, нѣкоторые изъ насъ не совсѣмъ неповинны. Ни Ломоносовъ, ни Карамзинъ не понимали значенія народной поэзіи. У послѣдняго, какъ извѣстно, Илья Муромецъ подобенъ маю красному, или марту нѣжному, тонокъ, прямъ и величавъ собою, розы алыя съ лилеями расцвѣтають на лицѣ его; припомнимъ повѣсти Муравьева, Батюшкова, у котораго, напр. Добрыня, влюбленный въ Кіевскую княжну, является со слезами, блистающими въ очахъ, съ раздѣвающимися по плечамъ черными кудрями, колеблемыми дыханіемъ вѣтра, и съ правою рукою на сердцѣ. Даже Пушкинъ, имѣвшій рѣдкій въ то время случай воспитать къ ней любовь въ себѣ съ дѣтства и дѣйствительно высоко цѣнившій художественную сторону народной поэзіи, не имѣлъ самыхъ общихъ представленій о дѣйствительномъ ея значеніи. Съ той же, исключительно художественной, точки зрѣнія относился къ ней и бесспорно лучший представитель нашей литературной критики сороковыхъ годовъ, Бѣлинскій. «Такъ какъ русскій человекъ, говоритъ онъ, почиталъ сказку пересыпаньемъ изъ пустаго въ порожнее, то онъ не только не гонялся за правдоподобіемъ и естественностію, а еще какъ будто поставлялъ себѣ за непремѣнную обязанность умышленно нарушать и искажать ихъ до безсмыслицы. По его понятію, чѣмъ сказка неправдоподобнѣе и нелѣпнѣе, тѣмъ лучше и занимательнѣе... неправдоподобіе и

нелѣпость сказокъ перешли и въ поэмы (т. е. былины), которыя переполнены самыми рѣзкими несообразностями» (V. 97—98). Это мнѣніе высказано было въ 1841 году, а извѣстно, что Бѣлинскій не измѣнялъ его до смерти. Такой взглядъ на нашу народную поэзію дошелъ до 50-хъ годовъ, когда стали появляться одно за другимъ прекрасныя изданія народно-поэтического матеріала: Афанасьева, Кирѣевскаго, Безсонова, Рыбникова; четвертый томъ послѣдняго только на этихъ дняхъ появился здѣсь. И не мы одни запоздали вѣрнымъ изученіемъ народной поэзіи: на западѣ такое изученіе началось также чуть не на нашей памяти.

Главная причина, конечно, заключается въ томъ, что все, что слишкомъ близко къ намъ, объективируется, труднѣе всего и послѣ всего. Но если и прежде народная поэзія, хотя и мало, обращала на себя вниманіе и была предметомъ изученія, то неуспѣхъ этого изученія заключался въ недостаткахъ метода. Только въ наше время, когда наука о языкѣ, мифологіи, народной поэзіи изъ узкой сферы, обращенной исключительно къ одному своему народу, вышла, наконецъ, на необозримое поле сравнительнаго изученія, только въ наше время обезпеченъ вѣрный и общающій важнѣйшія послѣдствія успѣхъ въ ея изученіи; только теперь, вооруженная этимъ методомъ и свободная отъ всего случайнаго и произвольнаго, отъ всѣхъ прежнихъ гаданій и мачтаній, она становится истинною и точною наукою: только результаты такой науки имѣютъ право на вниманіе и уваженіе всѣхъ, кто серьезно изучаетъ природу и человѣка, такъ какъ основныя законы, управляющіе ими и вложенные въ нихъ Творцемъ, одни и тѣже. Въ настоящее время только рутинна или просто невѣжество могутъ относиться къ нашей наукѣ съ прежнимъ невниманіемъ, и это невниманіе не обойдется даромъ тому, кто захотѣлъ бы быть производителемъ въ своей наукѣ.

Опыты примѣненія сравнительнаго метода къ изученію языка, мифологіи и поэзіи народа были и у насъ, и между ними, конечно, самое видное мѣсто принадлежитъ

относящимся сюда прекраснымъ трудамъ проф. Буслаева. Какъ на образецъ опытовъ этого рода въ обширныхъ размѣрахъ, можно указать на выходящее теперь сочиненіе г. Аванасьева: «Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу», котораго второй обширный томъ только что появился здѣсь. Хотя это сочиненіе въ значительной части составилось изъ напечатанныхъ прежде, въ разное время, отдѣльныхъ статей тогоже автора, но соединеніе ихъ подъ господство одной мысли и одной цѣли, вмѣстѣ съ новымъ содержаніемъ и дополненіями къ старому, составляетъ безпорно весьма важное пріобрѣтеніе для нашей науки и проливаетъ на нее яркій свѣтъ съ совершенно новой и современной точки зрѣнія. На это сочиненіе положено такъ много труда, и любви къ дѣлу, и знанія дѣла, что встрѣчающіяся изрѣдка и сбивающіяся на старый ладъ случайность и произвольность выводовъ ни мало не могутъ ослаблять общаго его значенія. Находясь еще подъ пріятными впечатлѣніями отъ чтенія этой книги, я почелъ бы себя счастливымъ, если бы настоящая моя лекція послужила нѣкоторымъ возбужденіемъ вашего вниманія къ ней. Книга, говоря вообще, написана такъ просто и общедоступно, заключаетъ въ себѣ такую обширную и богатую коллекцію высокихъ поэтическихъ созерцаній древнѣйшаго русскаго человѣка, созерцаній, нашедшихъ себѣ столь же поэтическое выраженіе въ языкѣ и прошедшихъ чрезъ длинный рядъ поколѣній, что чтеніе ея, будучи вовсе не затруднительнымъ, безъ сомнѣнія, доставитъ вамъ величайшее наслажденіе. Для разпосторонняго и подробнаго объясненія этихъ поэтическихъ созерцаній, г. Аванасьевъ обращается ко всей нашей народной поэзіи, черпаетъ полными руками изъ всего ея необозримаго содержанія, начиная отъ сказки и быльи до пустой, по-видимому, примѣты, сохранившейся гдѣ-нибудь въ отдаленномъ уголкѣ Россіи.

Не столько для характеристики народной поэзіи, такъ какъ и самая общая характеристика всего ея содержанія въ то время, какое я имѣлъ теперь въ своемъ распоряженіи, представляла бы не мало затрудненій,

сколько для того, чтобы возбудить ваше вниманіе къ этому сочиненію и вызвать къ его чтенію, я позволю себѣ указать здѣсь въ общихъ чертахъ на три важнѣйшихъ элемента народной поэзіи—мифическій, нравственный и историческій.

Извѣстно, что дѣятельность творческой фантазіи народа начинается вмѣстѣ съ открытіемъ человѣческаго слова, «къ которому, какъ къ средоточію, сходятся всѣ тончайшія нити родной старины, все великое и святое, все, чѣмъ крѣпится нравственная жизнь народа.» Облекая въ слово свои впечатлѣнія отъ предметовъ и явленій природы, первобытный человѣкъ удовлетворялъ и религіознымъ, и поэтическимъ потребностямъ, вложеннымъ въ него Творцемъ. Дѣйствуя на человѣка разными своими сторонами и производя различныя впечатлѣнія, одинъ и тотъ же предметъ пораждалъ цѣлый рядъ синонимическихъ названій; стороны и качества одного и того же предмета совпадали со сторонами и качествами другого предмета, а потому и названіе отъ одного предмета легко переносилось на другой, что вело первобытнаго человѣка къ непрерывнымъ метафорамъ. Даже при первоначальной живости впечатлѣній, трудно было сохранить точное соотвѣтствіе между предметами и ихъ названіями; а при ослабленіи этой живости и при постепенной организаціи языка, какъ орудія болѣе и болѣе развивавшейся мысли, должна была происходить страшная путаница представленій. Въ этой путаницѣ, въ этихъ непрерывныхъ *qui pro quo* и заключаются зародыши мифовъ. «Каждый разъ, говоритъ Максъ Мюллеръ, когда слово, употребленное первоначально метафорически, употребляется безъ яснаго сознанія тѣхъ ступеней, которыя вели отъ его первоначальнаго значенія къ метафорическому, является опасность мифологіи; каждый разъ, когда эти ступени забываются и искусственныя ступени вторгаются на ихъ мѣста, является мифологія, или, если можно такъ выразиться, боль-

ной языкъ, будетъ ли этотъ языкъ относиться къ религіознымъ или мірскимъ интересамъ—все равно» (Lectures etc. 1864. II. 358).» Орелъ получилъ свое названіе отъ качества свѣта—быстроты, когда же это метафорическое значеніе утратилось въ сознаніи народа, онъ сталъ однимъ изъ многочисленныхъ олицетвореній самаго свѣта, сталъ предметомъ поклоненія и разнообразныхъ сказаній; свѣтила небесныя уже не въ переносномъ смыслѣ называются очами неба, а являются миѳы объ одноглазомъ божествѣ солнца и тысячеглазомъ Аргусъ и т. д. Эти миѳическія представленія, будучи первоначально собственными созданіями первобытнаго человѣка, мало-по-малу отдѣляются отъ него, объективируются, принимаютъ зооморфическія и антропоморфическія формы, надѣляются разнообразными атрибутами, становятся предметами страха и поклоненія и остаются ими до тѣхъ поръ, пока народное сознаніе долгимъ, продолжающимся цѣлый рядъ вѣковъ, процессомъ развитія не возвысится надъ этими произведеніями собственной творческой фантазіи, не эманципируется отъ нихъ, не овладѣетъ ими, не подчинитъ ихъ себѣ. Возникши однажды въ безконечномъ разнообразіи, эти первоначальныя миѳическія представленія, какъ слово человѣческое, какъ родовыя и видовыя отличія въ царствѣ животныхъ и растений, по теоріи Дарвина, подвергаются многовѣковому процессу подбора характернаго, типическаго содержанія, процессу селекціи или элиминаціи, пока окончательно не опредѣлятся наиболѣе устойчивыя и типическія ихъ роды и виды. И въ періодъ этого процесса, и послѣ, они обрабатываются, распространяются и развиваются въ отдѣльныя, болѣе или менѣе обширныя, сказанія, первоначально имѣвшія общую внутреннюю связь. Такъ возникли сказки, былины, цѣсны и всевозможныя виды народной поэзіи.

Существенныхъ и основныхъ поэтическихъ созерцаній природы у древнѣйшаго народа было не много, не много и основныхъ сказочныхъ мотивовъ, такъ что все обиліе, по-видимому, самыхъ разнообразныхъ сказокъ, заключающихся въ осьми частяхъ сборника Аѳанасьева,

легко можетъ быть сведено на нѣсколько господствующихъ темъ. Чѣмъ должна была больше всего поражать первобытнаго человѣка природа? Перемѣна дня и ночи; торжество мрака надъ свѣтомъ и истребленіе мрака свѣтомъ, какъ слѣдствія борьбы между свѣтлою и темною силами; появленіе небесныхъ свѣтилъ, и особенно солнца, на горизонтѣ, ихъ путь и исчезаніе; переѣна времени года, зависящая отъ того же солнца, теряющаго свою силу болѣе чѣмъ на полгода, побѣждаемаго враждебною темною силою, умирающаго и снова воскресающаго во всемъ блескѣ, величіи и плодотворномъ вліяніи на землю къ новой жизни; воздушныя явленія и переѣны, повторяющіяся періодически и зависящія также отъ солнца—зимній мракъ и холодъ, зимнія бури и мятели, и еще болѣе поражавшія древнѣйшаго человѣка чудныя явленія грозы, разрѣшающейя благотворнымъ дождемъ, грома и молніи, давно и съ нетерпѣніемъ ожидаемыхъ вѣстниковъ весенняго солнца, его освобожденія изъ-подъ власти темной силы, его побѣды надъ ней, его воскресенія къ новой жизни и вмѣстѣ оживленія и оплодотворенія всей природы—таковы явленія природы, наиболѣе поражавшія фантазію народа, непостижимыя для него и породившія рядъ высоко-поэтическихъ мифовъ, разрѣшившихся въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ въ цѣлыя сказанія. Къ этимъ явленіямъ природы сводятся и основныя мотивы русскихъ и всенародныхъ сказокъ съ ихъ безконечными варіаціями.

Зимнія облака, тучи, разносимыя бурнымъ и холоднымъ вѣтромъ и скрывающія солнце, представлялись народной фантазіи въ видѣ летающихъ змѣевъ и всевозможныхъ чудовищъ, пожирающихъ, или плѣняющихъ солнце, въ непреступныя замки, въ подземелья за крѣпкіе затворы,—въ видѣ горъ, скрывающихъ солнце и сторжимыхъ тѣмъ же чудовищами,—въ видѣ толкучихъ горъ, исполинскихъ деревьевъ, закрывающихъ своими вѣтвями небесныя свѣтила,—въ видѣ воздушныхъ кораблей, даже въ видѣ вертящихся на курьихъ ножкахъ избушекъ съ неизмѣнною бабой-ягой и т. д. Лѣтнія облака, пося-

щія въ себѣ небесную влагу—дождь, представлялись въ видѣ божественныхъ коровъ, ниспосылающихъ на землю молоко и оплодотворяющихъ ее,—въ видѣ небесныхъ, облачныхъ жевшицъ, исполняющихъ ту же роль въ страстныхъ объятіяхъ бога, олицетворяющаго весеннее плодотворное солнце.—Самое солнце, въ періодъ зооморфизма, представлялось или въ образѣ птицы—орла, ястреба, пѣтуха, жаръ—птицы или золотогриваго коня, огпедышащихъ коней, возящихъ бога—солнце на блестящей колесницѣ, въ образѣ золоторогаго оленя, свинки-золотой-щетишки, золотой рыбки и т. д.; въ періодъ антропоморфизма—въ видѣ чуднаго богатыря, Ивана царевича, добраго молодца, или прекрасной царевны, съ чудными, обличающими ихъ происхожденіе, признаками: по колѣно ноги въ золотѣ, по локоть руки въ серебрѣ, или во лбу солнце, свѣтелъ мѣсяцъ, на головѣ частыя звѣзды и т. д.—Громъ народная фантазія представляла себѣ какъ оглушающую небесную музыку, звонъ, молотьбу, какъ звуки золотой трубы, рога, чудесной дудки, барабана, гуслей-самогудовъ, какъ поющее дерево, птицу говорунью и т. д.—Молнія представлялась въ видѣ змѣи, молота, топора, меча, стрѣлы, боевой палицы и другихъ орудій бога-громовника, которыми онъ поражалъ враждебныя ему темныя силы, олицетворяющія собою тучи; маленькая по виду молнія представлялась огненнымъ перстомъ, пальцемъ; маленькія извивающіяся молніи, быстро появляющіяся и также быстро скрывающіяся въ тучу, породили представленіе быстрыхъ, юркихъ карликовъ, дѣтей, нѣмецкихъ эльфовъ и цверговъ, мальчиковъ съ пальчикъ, мальчиковъ-невидимокъ, мужичковъ съ наготокъ; вдругъ пробивающіяся змѣйками сквозь тучу во многихъ мѣстахъ молніи представлялись въ видѣ золотыхъ волосъ и т. д.—Драгоцѣнная для земли небесная влага, дождь, скрывающаяся въ тучѣ, во внутренности чудовищъ—тучъ, или сторожимая этими чудовищами за толкучими горами, за крѣпкими замками, извѣстна въ народной поэзіи подъ разнообразными названіями—живой, безсмертной, цѣлящей, плодородящей и очистительной, вѣщей воды, вдохновляющей поэтовъ,

сообщающей имъ божественный даръ—поэзію, меда, пива, вина. Такъ-какъ туча представляется иногда въ видѣ исполинскаго дерева, то благотворныя свойства дождя переходятъ на плоды этого дерева: сказка говоритъ о моложавыхъ или молодильныхъ яблокахъ, имѣющихъ всѣ свойства живой воды.

Первоначально всѣ эти представленія относились къ явленіямъ небеснымъ, воздушнымъ; въ послѣдствіи народъ сталъ переносить ихъ на землю, прикрѣплять къ землѣ: прежній воздушный океанъ, окружающій землю, сталъ обыкновеннымъ моремъ, или земнымъ океаномъ, обтекающимъ землю; облака, представлявшіяся первоначально въ видѣ летающихъ или толкающихся горъ, превратились уже въ фантастическія земныя толкучія горы; прежнія исполинскія деревья, хотя и сохранили свои размѣры и также покрывали своими вѣтвями все небо, уже стали рости на землѣ, и сказочные герои взбирались на нихъ за ихъ чудесными плодами, изнашивая, притомъ, по нѣскольку паръ желѣзныхъ сапоговъ и сѣдая по нѣскольку желѣзныхъ хлѣбовъ; скрывающееся въ горахъ—тучахъ солнце перешло, въ видѣ золота и вообще блестящихъ металловъ и всевозможныхъ сокровищъ, въ обыкновенныя земныя горы, или въ замки на стекляннй, хрустальной, золотой горѣ, охраняемые змѣями и разными чудовищами. Сказка расскажетъ вамъ о трехъ металлическихъ царствахъ въ горахъ—мѣдномъ, серебряномъ и золотомъ, и Иванъ царевичъ, разыскивая прекрасную царевну, уже не поднимается въ заоблачныя пространства, а просто отваливаетъ громадный камень и по веревкѣ спускается во внутренность горы. Заклучивши эти поэтическія представленія природы въ свои сказки, перенесши ихъ съ неба на землю, народъ продолжалъ болѣе и болѣе приближать ихъ къ себѣ и дошелъ до того, что скрытое, заволоченное тучами солнце, униженное и поработенное темною силою, сталъ представлять себѣ просто добрымъ-молодцомъ въ платьѣ или шапкѣ-невидимкѣ, даже Иванушкой-дурачкомъ съ пузыремъ на головѣ, или въ столь любимомъ и распро-

страненномъ у всѣхъ народовъ образѣ Замарашки, Ивана Попллова, Ивашки Запечнаго, стряхивающаго съ себя нѣсколько пудовъ саж и однако овладѣвающаго прекрасной царевной.

Таковъ въ общихъ чертахъ миѳическій элементъ не только нашихъ, но и всѣхъ сказокъ, уясненный продолжительнымъ и усерднымъ сравнительнымъ изученіемъ всего сказочнаго матеріала. Сомнѣваться въ вѣрности объясненія основныхъ сказочныхъ мотивовъ въ родѣ приведенныхъ выше, нельзя, такъ какъ это объясненіе опирается на массу фактовъ, извлеченныхъ изъ народно-поэтического матеріала многихъ народовъ—отъ Эскимосовъ до Кафровъ и Готтентотовъ, и притомъ сопоставленныхъ безъ всякой задней мысли.

Было бы несправедливо ограничивать значеніе народной поэзіи однимъ миѳическимъ элементомъ, ограничивать имъ однимъ ея изученіе, несправедливо уже потому, что поэтический элементъ, по самому существу своему, есть и элементъ нравственный. Нельзя не пожелать, чтобы послѣдній нашелъ себѣ въ продолженіи сочиненія г. Аванасьева соотвѣтствующую его важности оцѣнку, такъ какъ въ двухъ, вышедшихъ до сихъ поръ, томахъ можно встрѣтиться только съ случайными указаніями на него. Что все содержаніе народной поэзіи, взятое въ цѣломъ, есть высоко-нравственное, имѣвшее въ то же время для древнѣйшаго человѣка и религіозное значеніе, сомнѣваться нельзя, какъ и въ томъ, что это содержаніе для народа богатая и такъ долго единственная школа, обладающая могущественною воспитательною и образовательною силою. Съ теченіемъ времени древнѣйшія миѳическія представленія, заключающіяся въ сказкахъ, первоначально свѣжія и живыя, постепенно затемнялись въ сознаніи народа и становились ему непонятными, между тѣмъ какъ нравственный элементъ тѣхъ же сказокъ, вполне понятный и доступный народу, продолжаетъ дѣйствовать на народъ до настоящей минуты. Извѣстно, что народная поэзія, будучи созданіемъ цѣлаго народа не терпитъ ни малѣйшаго уклоненія отъ добра и

правды, представляемыхъ свѣтлымъ элементомъ видимой природы, что, послѣ временнаго угнетенія и порабощенія, добро и правда постоянно оказываются торжествующими надъ зломъ и неправдой. Выведенныя въ сказкѣ «о правдѣ и кривдѣ» лица, рѣшившія вопросъ—какъ лучше жить, правдой или кривдой—съ практической, житейской и своекорыстной точки зрѣнія, побѣждены представителемъ чистаго и безкорыстнаго добра, которому зато и достается все счастье и богатство, послѣ множества испытаній и бѣдъ, и который платитъ добромъ преслѣдовавшимъ его. Эта общая нравственная тема въ безчисленныхъ варіаціяхъ развивается во множествѣ произведеній народной поэзіи. Извѣстно также, что самый любимый и дѣйствительно нравственный сказочный типъ—третій сынъ въ семьѣ, носящій вовсе непривлекательное прозвище дурачка и противопоставляемый двумъ умнымъ въ обычномъ практическомъ и житейскомъ смыслѣ. Это представитель чистаго, беззавѣтнаго и безкорыстнаго добра, всегда торжествующаго надъ практическимъ, лукавымъ и своекорыстнымъ добромъ. Въ трудныхъ подвигахъ на его сторонѣ вся природа, потому что онъ самъ относится къ природѣ всегда съ любовію, широкимъ и горячимъ сочувствіемъ. Онъ дурень въ смыслѣ извѣстной русской пословицы: «глупый да малый всегда говорятъ правду.» Каждая сказка несомнѣнно запечатлѣна нравственнымъ характеромъ и его нельзя обходить въ увлеченіи миѳическимъ ея элементомъ, хотя и столь же несомнѣннымъ. Вошелъ мужикъ въ гору, а тамъ сидитъ женщина, передъ ней груды золота и кадка съ виномъ. Мужикъ испугался. «Ну что-жъ, не бойся, говоритъ ему женщина, возьми корецъ, испей винца, да бери себѣ денегъ, сколько хочешь, а въ другой разъ сюда не ходи.» Мужикъ набралъ денегъ, сколько могъ, и потащилъ въ лодку. Высыпалъ деньги, да и думаетъ: «дай еще пойду, этого въ другой разъ не съищешь.» Пришолъ къ горѣ—нѣтъ входа. Воротился назадъ къ лодкѣ, а вмѣсто денегъ въ ней лежатъ уголья (Афан. II. 685). Миѳическій смыслъ этой сказки ясенъ,

но едва ли еще не яснѣ нравственный: перваго народъ, конечно, не понимаетъ, а во второмъ она служить для него тѣмъ же, чѣмъ, напр. «Фортуна и Нищій» Крылова.

Съ христіанствомъ вошло въ народъ новое могущественное образовательное начало. Какъ отнеслась къ этому началу въ высшей степени консервативная масса народа, не приготовленная къ принятію и органическому усвоенію чистой христіанской догмы и чистаго христіанскаго правоученія, которыя притомъ естественно должны были вступить въ борьбу съ старыми языческими вѣрованіями, а съ ними и съ старою языческою народною поэзіей? Народъ, очевидно, не могъ разстаться съ своимъ созданіемъ, выработаннымъ вѣками, съ поэзіей, въ которой онъ воплотилъ себя со всѣмъ своимъ прошедшимъ—и вотъ онъ начинаетъ мало-по-малу вносить новое содержаніе въ старое, въ старыя готовые формы, вливать новое вино въ мѣхи старые. Въ этомъ новомъ положеніи народа также народная поэзія служить для него новую службу, знакомить его съ новымъ содержаніемъ, воспитываетъ и поднимаетъ его до уразумѣнія и усвоенія этого новаго содержанія. Увѣщанія, запрещенія, клятвы духовенства мало помогаютъ, потому что измѣненія убѣжденій и вѣрованій, воспитанныхъ вѣками, должно совершиться внутреннимъ органическимъ процессомъ, потому что, для воспитанія новыхъ убѣжденій, новыхъ вѣрованій, народу необходимы также цѣлыя вѣка. Какъ медленно совершается этотъ органический процессъ превращенія вѣрованій, можно видѣть изъ того, что и современный намъ Русскій народъ, усвоившій себѣ новое содержаніе, хотя иногда болѣе съ виѣшней его стороны, до сихъ поръ не можетъ разстаться со старымъ, все еще дорогимъ для него содержаніемъ, и смотреть часто на новое сквозь старое. До сихъ поръ во время общественныхъ бѣдствій, мора и скотскаго падежа, приглашая священника отслужить молебенъ и обойти вокругъ села съ иконами, народъ добываетъ огонь для свѣчъ предъ иконами и для кадила посредствомъ тренія одного, непремѣнно дубоваго,

полѣна о другое, то есть добываетъ старый языческій живой огонь, спасительный, какъ и живая вода, противъ всякихъ заразительныхъ и поваральныхъ болѣзней (Аван. II. 19). До сихъ поръ народъ кусаетъ камни церковной паперти или дерева за монастырскими стѣнами для предохраненія себя отъ зубной боли; въ пещерѣ Св. Корнилія, близъ Палеостровскаго монастыря, видѣнъ пенъ дерева, которое росло въ расщелинѣ и уничтожено зубами богомольцевъ; въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи народъ грызетъ уцѣлѣвшія деревянные гробницы Св. Угодниковъ (тамже II. 303). Вѣрованіе происходитъ отъ языческаго представленія, по которому дерево, пораженное молніей, получало цѣлебное свойство, приписываемое весеннему дождю и громовой стрѣлкѣ. Языческое вѣрованіе въ весеннее воскресеніе бога солнца слилось съ вѣрою въ воскресеніе Иисуса Христа. Есть прекрасная малорусская легенда о бѣднякѣ, обогатившемся отъ чудесныхъ чумаковъ послѣ заутрени въ Свѣтлое Воскресеніе. Воротившись домой, онъ хотѣлъ было затеплить свѣчу предъ иконами, а въ печкѣ не оказалось горячихъ угольевъ. Сосѣди, вѣрные языческому вѣрованію въ огонь, отказали—и вотъ онъ обратился къ чумакамъ, остановившимся на полѣ, и, похристосовавшись съ ними, нагребъ цѣлую полу горячихъ угольевъ, которые потомъ превратились въ золото.

Сохранилась и чисто языческая обстановка преданія—въ словацкой сказкѣ о бѣднякѣ, странствовавшемъ на стеклянную гору (небо) и выпросившемъ мѣшокъ горячихъ угольевъ у сидѣвшихъ вокругъ горящаго костра (солица) двѣнадцати мѣсяцевъ (тамже II. 368—369). Извѣстно древнѣйшее представленіе молніи ключемъ, отмыкающимъ тучу, откуда льется небесное вино, или живая вода. Владѣтелемъ этого ключа у Бѣлоруссовъ является Св. Юрій:

«Святый Юрья, божій пасоль,
До Бога пашовъ,
А узавъ ключи залатые,
Атамкнувъ землю сырусенькую,

Пусыцивъ росу цяплюсенькую

На Бѣлую Русь и на увесь свѣтъ.»

Но главнымъ образомъ обладаніе этимъ ключемъ отнесено народомъ къ Апостолу Петру, такъ какъ ему, по Евангельскому свидѣтельству, обѣщаны ключи царства небеснаго (тамже П. 402—403). Съ особенною силою выразилось это смѣшеніе языческихъ представленій съ христіанскими, этотъ двоевѣрный характеръ, въ такъ называемыхъ духовныхъ стихахъ и въ произведеніяхъ апокрифической литературы, которой существенное значеніе и состоитъ въ томъ, что она служитъ посредствующимъ органомъ между древними языческими вѣрованіями и новыми, христіанскими, органомъ, постепенно поднимающимъ народъ до усвоенія чистой христіанской догмы и чистаго Евангельскаго правоученія.

Но и этими двумя элементами не истерпывается значеніе народной поэзии. Въ нее, кромѣ того, народъ внесъ въ высшей степени поэтическую лѣтопись своего прошедшаго. Съ участіемъ этого содержанія произведенія народной поэзии мы привыкли называть былинами и историческими пѣснями. Но мѣръ того какъ поэтическія созерцанія природы и связанные съ ними мифическія представленія вырабатывались въ определенное содержаніе, вырабатывались вмѣстѣ и форма и выраженіе для этого содержанія. Много времени и труда долженъ былъ посвятить народъ на выработку этой формы и выраженія; но за то, однажды выработанныя, они стали ему также дороги, какъ и самое содержаніе; однажды выработанныя, они получили большую твердость, упругость, устойчивость. Для точнаго усвоенія народно-поэтического содержанія въ такой формѣ и съ такимъ выраженіемъ, необходимы были уже нѣкоторыя усилія и дарованія, а потому произведенія этого рода естественно должны были мало-по-малу выдѣляться изъ общаго пересказа и сдѣлаться достояніемъ особыхъ пѣвцовъ, посвящавшихъ себя ихъ усвоенію и передачѣ. Съ другой стороны народъ не могъ отстать отъ своего народно-поэтического матеріала и продолжалъ пересказывать его

простымъ, обыденнымъ языкомъ и въ тоже время заботливо охранялъ основное его содержаніе, уже не понимая его. Такимъ образомъ сказка стала достояніемъ всего народа, былина — особыхъ пѣвцовъ. При переходѣ изъ вѣка въ вѣкъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, черты стараго языка, а также и стараго быта, въ сказкѣ необходимо сглаживались, соотвѣтственно требованіямъ новаго языка и новаго быта, такъ что сказка въ настоящее время называется современнымъ простонароднымъ языкомъ и заключаетъ въ себѣ черты современнаго простонароднаго быта. Другое дѣло былины: если въ ихъ однажды установившіяся форму и выраженія заходили черты языка и быта, лица и событія какой-либо эпохи, наиболѣе поразившія народное воображеніе, всѣ эти черты удерживались крѣпче и народъ проносилъ ихъ чрезъ цѣлый рядъ поколѣній, хотя и не понималъ значенія воспѣваемыхъ имъ лицъ и событій. Понятно, что съ теченіемъ времени былина, особенно съ переходомъ въ историческую пѣсню, должна была все болѣе и болѣе отдѣляться отъ сказки; понятно также, что русская сказка, сохранившая, не смотря на измѣненіе языка и бытовыхъ чертъ, основные мотивы, заключающіе въ себѣ древнѣйшія вѣрованія, должна сближаться по этимъ основнымъ мотивамъ со сказками всѣхъ народовъ, между тѣмъ какъ былина, допустившая въ себя и удержавшая въ себѣ черты прошедшаго своего народа, естественно должна была все болѣе и болѣе расходиться съ былинами другихъ народовъ.

И здѣсь, въ перенесеніи въ былины своего прошедшаго, народъ также ревниво охраняетъ сущность стараго содержанія, старую форму и старое выраженіе, и здѣсь вливаетъ вино новое въ мѣхи старые. Само-собою разумѣется, что съ первымъ соприкосновеніемъ съ дѣйствительною жизнью, съ первой попыткой внести въ народно-поэтическое содержаніе черты дѣйствительной жизни, — прежніе стихійные, фантастическіе образы, прежніе сверхъестественные размѣры должны были постепенно

принимать болѣе опредѣленные, устойчивыя, болѣе человѣческія формы. Народно-поэтическое содержаніе изъ фантастической области тридевятаго царства, тридесятаго государства должно было перейти на опредѣленную почву, прикрѣпиться къ опредѣленной мѣстности, локализоваться. Въ былинахъ того вида, въ какомъ онѣ дошли до насъ, мѣстами дѣствія, или лучше сборными пунктами дѣйствующихъ силъ, олицетворенныхъ въ богатыряхъ, оказываются Кіевъ-градъ, Новгородъ, въ послѣдствіи Москва; дѣйствующія силы мало-по-малу получаютъ опредѣленный характеръ, опредѣленные названія, которыя уже удерживаются при нихъ неизмѣнно; пребываніе этихъ силъ—на границахъ только что установившейся области, которыя постоянно должно было охранять отъ вторженія враждебныхъ силъ, занявшихъ въ народной поэзіи мѣсто прежней темной стихійной силы; распорядителемъ этихъ дѣйствующихъ силъ является Владимиръ, что впрочемъ нисколько не говоритъ въ пользу мнѣнія объ образованіи нашихъ былинъ въ эпоху Владимира. Не должно забывать, что всѣ измѣненія этого рода въ народно-поэтическомъ содержаніи совершались крайне медленно, что старый стихійный фантастическій элементъ упорно отстаивалъ свое существованіе, уступалъ только послѣ ожесточенной борьбы, продолжавшейся нѣсколько вѣковъ, такъ что въ нѣкоторыхъ былинахъ прежній характеръ до сихъ поръ остался господствующимъ, не смотря на видимое наложеніе на нихъ чертъ опредѣленного времени. Принимая въ соображеніе чрезвычайно медленный процессъ развитія народно-поэтического содержанія, на который два-три вѣка производятъ едва замѣтное вліяніе, должно полагать, что указанная выше измѣненія въ нашей народной поэзіи совершились за долгое до того образованія Русскаго государства, которое опредѣленнымъ годомъ внесено въ первую нашу лѣтопись.

Какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію та мысль, что народно-поэтическій матеріалъ, при постепенномъ развивавшемся народномъ сознаніи, при первыхъ опытахъ обращенія народа къ самому себѣ, необходимо дол-

женъ былъ мало-по-малу сближаться съ дѣйствительною жизнію, а слѣдовательно и вносить въ себя черты этой жизни. Излишне говорить, что при этомъ внесеніи не могло быть и рѣчи о какихъ бы то ни было хронологическихъ, географическихъ и топографическихъ опредѣленій въ обыкновенномъ смыслѣ, что въ народно-поэтической матеріалъ могли вноситься только такія общія и существенныя черты, которымъ, или которыхъ вліянію суждено было переживаться вѣками. Только разсматривая съ этой точки зрѣнія нашу былевую поэзію, мы можемъ назвать ее поэтической лѣтописью; только разсматривая ее съ этой точки зрѣнія, мы дѣйствительно можемъ сказать, что основныя и капитальныя явленія нашего прошедшаго, всѣ тѣ явленія, которыя произвели наибольшее вліяніе на воображеніе всего народа съ заботливостію и общою поэтической вѣрностію занесены въ былевую поэзію; только съ этой точки зрѣнія можно сказать, что если бы вдругъ исчезли всѣ наши историческіе памятники, по былевой поэзіи можно было бы въ общихъ чертахъ возсоздать важнѣйшія явленія нашего прошедшаго.

Первые зачатки осѣдлой земледѣльческой жизни народъ выразилъ въ прекрасномъ, недавно открытомъ поэтическомъ образѣ Микулы Селяниновича, обладателя божественной сохи и земной тяги, посящей на себѣ еще всѣ признаки стихійнаго существа.—Исторія борьбы осѣдлаго на мѣстѣ Русскаго народа съ окружавшими его со всѣхъ сторонъ враждебными силами, борьбы, продолжавшейся длинный рядъ вѣковъ, опоэтизирована въ цѣломъ рядѣ былинь и прежде всего въ высоко-поэтическихъ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ. Но всмотритесь внимательнѣе въ черты и подвиги этого любимаго русскаго богатыря—и вы увидите, какъ неразрывно связанъ онъ съ эпохой стихійной народной поэзіи, не говоря уже о сверхъестественныхъ размѣрахъ, придавшихъ его богатырской силѣ, самое пріобрѣтеніе этой силы представляетъ только очевидное повтореніе извѣстнаго сказочнаго мотива; всѣ враги, съ которыми ему приходится бороться

ся, начиная отъ Соловья-разбойника и оканчивая собственнымъ сыномъ, запечатлѣны глубоко стихійнымъ характеромъ. И однако народъ съ тѣхъ поръ, какъ сложились былины объ Ильѣ Муромцѣ, равно и о другихъ богатыряхъ, уже не понималъ ни ихъ, ни ихъ враговъ, какъ олицетворенія стихійныхъ явленій, а подъ врагами своихъ богатырей сталъ разумѣть своихъ собственныхъ враговъ, обложившихъ его собственную землю со всѣхъ сторонъ и непрерывно вторгавшихся въ нее. Не даромъ же народъ болѣе тысячи лѣтъ рѣлъ свои былины.

Христіанство, какъ и должно ожидать, занесено въ былины только съ его виѣшней стороны, такъ какъ внутренняя сторона оставалась народу непонятною, да и внесеніе внутренней стороны требовало бы полнѣйшей переработки всей старой языческой поэзіи: народъ запелъ и даже поставилъ въ центръ былины—Владимира, который, можетъ быть, имѣлъ не одного предшественника, заставилъ богатырей носить кресты на груди, которые обыкновенно спасаютъ ихъ отъ смерти, на востокъ Богу молиться—и только.

Проносится надъ Русскою землею страшная гроза татарская—народъ заноситъ ее въ свою поэзію, «воспѣвая старыми словесы по былинамъ сего времени,» какъ его любимый богатырь, которому приданъ въ помощь Ермакъ, выхваченный изъ XVI вѣка, освобождаетъ отъ татаръ (Батыя, Мамаю, Калина) Кіевъ—градъ и побиваетъ всю рать татарскую татаринѣмъ, схвативши его за ноги, или осью телѣжною. Былина не могла допустить до пораженія своего богатыря, да и освобожденіе совершилось только чрезъ два съ половиною вѣка, едва замѣтные въ процессѣ развитія народной поэзіи. Замѣчательно, что страданія свои и крайнее униженіе свое въ эпоху рабства народъ выразилъ старымъ народнымъ поэтическимъ пріемомъ, заставивши даже Владимира одѣться въ рубище и вымазать лице свое сажей котельною и итти на поклоны Батыю, точь-въ-точь какъ онъ рисовалъ себѣ въ былое время представителя солнца съдымъ старикомъ, въ изорванной, грязной, нищенской

одеждѣ, неумойкой или даже сонливомъ дѣдомъ (Аѳан. II. 371).

Съ древняго времени на отдаленномъ сѣверо-западѣ существовала особая, своеобразная, свободная и торговая община, рѣзко отличавшаяся отъ прочихъ Русскихъ областей и по внутреннему устройству, и по характеру общественной жизни—Новгородъ. Народная поэзія не могла обойти эту своеобразную жизнь, не занести ее въ свое содержаніе, и, вѣрная своимъ поэтическимъ приѣмамъ, живо изобразила эту жизнь въ ея существенныхъ и характеристическихъ чертахъ. Въ самомъ дѣлѣ, что особеннаго, сравнительно съ остальною Русью, рѣзко бросающагося въ глаза представляеть Новгородская жизнь, какія характеристическія черты этой жизни, проходящія чрезъ всю ея исторію?—Внутреннее самоуправленіе и свобода, выродившаяся въ послѣдствіи въ своеволие и даже буйство съ одной стороны, и торговый, коммерческій характеръ, послужившій источникомъ обогащенія, съ другой. Обѣ эти стороны живо обрисованы въ двухъ прекрасныхъ Новгородскихъ былинахъ, одна другую дополняющихъ, въ двухъ истыхъ новгородскихъ типахъ—Васильѣ Буслаевѣ и Садкѣ, и притомъ съ замѣчательною историческою вѣрностью даже въ развитіи подробностей содержанія. Новгородскія лѣтописи, извѣстно, наполнены описаніями непрерывныхъ народныхъ волненій и возмущеній, когда одинъ конецъ поднимается на другой, даже одна половина города на другой; когда бой кипитъ у Волхова моста, на самомъ мосту, раздѣляющемъ обѣ половины, когда страсти разгораются до того, что не утихаютъ въ виду архіепископа, стоящаго среди моста въ полномъ облаченіи и осѣняющаго крестомъ обѣ стороны. Герой битвы, буйный Новгородецъ Василій Буслаевъ, вызвавшійся биться со всеѣмъ Новгородомъ, oprичъ почестнаго монастыря, не укрощается никакими мѣрами и въ пылу страсти поднимаетъ святотатственную руку на своего крестоваго батюшку, старчище-пилигримище, на это поэтическое выраженіе религіознаго элемента, и только родная мать, и то осторожно зашедши сзади, полагаетъ

предѣлъ буйству и разгулу своего сына, не признающаго ни гражданской, ни духовной, никакой общественной власти, кромѣ власти родительской. Да и къ матери онъ обращается съ такими словами:

«Ай ты свѣтъ, государыня-матушка,
Тая ты старушка лукавая,
Лукавая старушка, толковая!
Умѣла унять мою силу великую,
Зайти догадалась позади меня.
А ежели бы ты зашла впереди меня,
То не спустилъ бы тебѣ, государынѣ-матушкѣ,
Убилъ бы за мѣсто мужика Новгородскаго.»

Съ тою же вѣрностію обрисованъ и типъ представителя торговаго элемента, Садки, быстро и чудесно расторговаващагося и возмечтаващаго даже скупить всё товары Новгородскіе.

Изъ періода Московскаго государства народная былевая поэзія, принимавшая болѣе и болѣе характеръ историческихъ пѣсенъ, занесла въ свое содержаніе всё знаменательныя, рѣзко выдающіяся и наиболѣе поражающія народное воображеніе явленія: поразительная личность представителя Московскаго самодержавія, Іоанна Грознаго, Смутное время, Земскіе Соборы, бунтъ Разина—все это народъ заботливо внесъ въ свою народно-поэтическую лѣтопись.

Итакъ, Мм. Гг., въ русской народной поэзіи, во всемъ ея содержаніи и въ высокому поэтическому достоинству этого содержанія, заключалось съ незапамятной до-исторической древности и заключается до сихъ поръ сильное образовательное средство, медленно, но вѣрнымъ путемъ ведущее народъ къ развитію самосознанія. Изученіе ея теперь сдѣлало значительный шагъ впередъ, сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ оно было лѣтъ десять тому назадъ; но ему нельзя не пожелать и нельзя не предсказать большихъ и весьма важныхъ успѣховъ въ ближайшемъ будущемъ, благодаря изданіямъ послѣднихъ лѣтъ, вѣрному методу и дружнымъ усиліямъ, обращеннымъ къ той же цѣли на западѣ. Такое значеніе народной

поззіи весьма важно не для одного, такъ называемаго, простаго народа и налагаетъ своего рода обязанности прежде всего на тѣхъ, кто думаетъ образовательно дѣйствовать на народъ. Безъ сомнѣнія, полнымъ и ничѣмъ неоправдываемымъ невѣдѣніемъ этого, выработаннаго вѣками, содержанія и даже пренебреженіемъ къ нему съ высоты современной цивилизаціи должно объяснять недовѣріе народа къ намъ, недовѣріе, парализирующее всѣ наши, хитро-задуманные, образовательные проекты, даже воодушевленные самыми благородными и благонамѣренными побужденіями.

Н. Лавровскій.